

*Птица
горести*

Николай Масленников

16+

Николай Александрович Масленников

Птица горести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38974922

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-11538-5

Аннотация

Взяв за руку, белокурый юноша проведет вас по тёмной и мистической дороге с тем, чтобы показать, какими красками играет мир в глазах человека, видевшего некогда его чёрные стороны. Повстречаете холод тоски, боли и усталости. Временами путь будет озаряться разноцветными переливами хрустального замка, но только до того, пока не забредёте в дебри лабиринта, где на живом примере познаете самокопание человека. С главным героем вырастите вы птицу и взлетите на ней по ветрам депрессии. Там, на высоте, во всей красе раскроется мрачный горизонт мыслей и живыми картинами предстанет пред вами прошлое юноши. И тогда вы всё поймёте, что хотел он сказать...

Николай Масленников

Птица горести

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я – историк. Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история!

Булгаков, «Мастер и Маргарита»

Мир особенно красив, когда он предстаёт пред человеком в разных красках. Палитра этих оттенков безгранична, но её, как и всё сущее, можно с грубой людской расчетливостью разделить на преобладающие цвета: белый, серый, зелёный и желтый.

Первый укутывает природу мягкой белоснежной шубой, и она, доверчивая и наивная, поддавшись нежным ласкам, забывает обо всем на свете. В объятиях она медленно проникается пленительным забвением и впадает в сладостную дремоту. И тут-то наступает время серого цвета: он, словно разъярённый муж, движимый силой ревности, резко срывает с её плеч шубу, подаренную любовником, и начинает яростно топтать памятный подарок – белизна меняется серостью. Общая картина становится мрачнее, когда в глаза

кидается обнаженный, дрожащий под стыдливым горем стан несчастной: он источает бесцветное уныние. Однако время, как для одних служит губительным оружием, так для других лекарством. Природа, будто женщина, совершившая ужасную ошибку, скоро с исступлением предается мукам сожаления и всем таящимся там страданиям. Преодолев мучительный путь раскаяния, она начинает расцветать – робко, стеснительно, обретая прелесть юной девушки. И вот мир окрашивается зелёным цветом. Здоровая и полная сил природа вкушает всю прелесть жизни, и грудь её вздымается под тёплым ветром счастья. Наступают безмятежные часы непрерывного блаженства... как вдруг, среди свершившихся грез, рождаются вопросы: «Неужели тихие минуты счастья, о которых я так мечтала, имеют свои границы? Что же дальше? Чего мне больше хотеть? Неужели это предел мечтаний... это всё?» – она терзает себя подобным, и вместе с ними начинает доноситься легкое веяние холода. Теперь же пред людьми разворачивается сцена великой трагедии: природа, лишь в малой степени проявляя своё внутреннее состояние, медленно увядает. Желтые краски, весёлые по своей натуре, в случившейся ситуации всей сущностью проникаются скорбью, отчего подобное смешивание образов порождает предмет безукоризненного изящества. Птицы – символ благополучия, чувствуя что-то неладное, улетают от неё. Желтые листья кружат в наполненном грустью воздухе и падают бездыханными. И листва, лаская душу, сладко шуршит под нога-

ми.

В один из таких сентябрьских вечеров, укутавшись в пальто, медленно ступал по засыпанной листвою тропе человек, молодой внешности, ростом чуть выше среднего, с приятным лицом, мягкие формы которого покрылись краской мороза: на щеках выступило два нежно-красных пятна, а нос залился терпко-розовым; его белокурые волосы доходили до плеч и трепетали под зябким дыханием ветра. Под ногами блестела золотисто-красная листва, которая так привлекала взор; но она ни капли сейчас не волновала его. Выразительные зеленые глаза юноши медленно скользили по местности и не останавливались ни на одном предмете. Он не удостоил своим вниманием даже небо, на котором не было ни единого облака; совершенно вся гладь была залита лёгкой голубизной. Вряд ли он вообще что-либо замечал, ведь в голове были далеко отвлечённые мысли.

Тебе очень хорошо известно: если позволишь хоть капельке грусти проникнуть в область около груди, то она в момент завладеет тобою; красота станет в разы милее сердцу и ты будешь смотреть на прекрасное замороженно, но в то же время летать где-то очень высоко над этим миром и, получается смешно, вовсе не замечать всего того перед собой, на что так долго созерцал с замиранием духа.

Подняв воротник и поджав шею, насколько только это возможно, Александр плел домой после очередного изможденного дня, который, как и множество предыдущих, неглас-

но вырывал из него остатки жизненных сил. Накопившаяся разочарованность и усталость от мира заставили понести Александра столько душевных мук и потрясений, что в последнее время он едва не лишался чувств и рассудка. Иной раз в его сдвинутых бровях нельзя было найти ничего, кроме мысли, и чем глубинней она, тем ближе они сжимались, хоть не специально, однако явно выражая внутреннюю напряжённость и задумчивость хозяина.

Мысль, подобно ветру, который своим порывом приносит изменения в прекрасное юношеское лицо: то появится складка на лбу, то искристость взора сменится апатичностью, то брови расположатся несимметрично и одна будет выше другой, то на нежных щеках прорежутся и яростно застучат скулы. Но дуновение ветра не искажает деревья, когда те в цвету; лишь некогда нежившиеся листья начинают блестеть и танцевать на ветру. Так же и юное лицо: оно не становится будто постарелым или менее красивым, а наоборот, этот поэтический порыв вносит свою прелесть, добавляет что-то необъяснимо прекрасное; проявляются томные лучики, под светом которых прекрасный лик загорается всё большим и большим обаянием, и никто не сможет их назвать искажением.

Тебе будет интересно нырнуть в голову Александра, погрузиться в необъятную массу восприятия, чтоб там, под преломляющимися на поверхности лучами эмоций, под мелькающими догадками и густыми замыслами, всё более

углубляясь, в тени дна найти отравляющие тяжестью думы. Обнаружив, внимательно присмотришься к выкованным цифрам на их поверхностях, и ответь: действительно ли затонули они осенью?

«Из-за чего осенняя пора навеивает тоскливые мысли, когда вокруг так живописно? Вот стая порхающих птиц, ярко-красная рябина... Пора красочных деревьев и холодного дождя – это разве грустно? Почему становится грустно при виде падающего, уже бездыханного листка, самоотверженно напоминающего нам о тленности жизни? При больно бьющих каплях, добывающих своей порывистой силой хрупкое состояние природы... – Александр понял, что сам ответил на свой вопрос, но, не останавливаясь, продолжал все дальше углубляться в свои мысли, давая им логический ход. – Природа мудра и навеивает печаль только осенью. Всё-таки настоящее уныние лежит в людях и их ничтожности, в их «проблемах» и удовольствиях, разговорах и мыслях. А ведь когда-то раньше, чтобы не разочаровываться в человеке, я старался не смотреть на его лицо... – при этих воспоминаниях он горько улыбнулся, и отзвуки грусти пробежали по его лицу, – но время показало мне, что большее огорчение можно найти где-то у него внутри. И сейчас, чтобы не разочароваться, я стараюсь не смотреть ему в душу. Почему же коснувшись грязи, она затягивает всех до одного? И все эти утопленники так и не подозревали, да, наверное, и не хотели даже понимать, что в этом нельзя даже увязнуть. Вот почему

я произвольно сравниваю человека с животным... Но разве может ли животное копаться в своём разуме, критиковать себе подобных и заниматься самобичеванием? Ну почему я терзаю себя мыслями об этом, если все мы имеем общее начало и состоим из одной плоти?»

Все эти вопросы, один за другим, яростно вырастали в голове Александра, подобно острейшим штыкам пред грозящим боем. Некая мощная волна приносила все больше и больше вопросов, а с ними сомнений и терзаний; своей силой она порывисто выплескивала что-то мучительно-новое, и, отползая назад, давала лишь короткое мгновение нашему герою на осмысление столь глубоких и непостижимых человеку вещей; в этом небольшом затишье она нетерпеливо ждала от него ответов; и вдруг мощь её вновь возрастала, она опять приближалась, как живая, и Александр, как никто, чувствовал рядом чужое дыхание: под каждым её вдохом становилось труднее, а на выдохе все более холоднее; волна только начинала выплёскивать ошеломляющие мысли.

Пока мы вглядывались в шторм мыслей, порождённый разъярённым ураганом депрессии, то вовсе не успевали проследить изменения в окружающей Александра картины. Задумчивость напустила на его глаза дремоту, которая развеялась лишь при ясных оттенках близости ночи. Он замечал, как вечер становился темнее с каждой, зловеще шептавшей на руке стрелкой часов, секундой. Свет фонарей так ослаб,

что не в состоянии был и дотянуться своими тёплыми нитями до озябшей земли, кое обстоятельство являлось весьма странным, ведь, сколько не помнит их Александр, они всегда обдавали улицу обильным светом. Постепенно все затягивалось пеленою: ни то густым туманом, еле пропускающим свет, ни то чёрным дымом в темную ночь, ни то всем перечисленным в совокупности.

Именно в тот момент, когда это начало казаться чем-то другим, нежели обычные сумерки, Александр остановился перед озером, берега которого, опять же, по обыкновению вечером были охвачены цветовым пожаром; сейчас же перед ним открылась странная картина: здесь едва пробивались расплывчатые чахлые огоньки, будто их пожирала пустота мрака. Он долго вглядывался в тусклый источник света, но тот как будто удалялся, сжимался по расплывчатому контуру, покрывался тихо кружащимися темными узорами, которые, в своей черед, накладывались друг на друга в медленном вальсе; и, в конце концов, уже помутневший огонек утопал пушистой темноте.

Александр мечталось, словно он – добрый рыцарь, угодивший в страшную сказку без меча, но с высоко поднятой грудью и со сжатыми кулаками, ничего не видящий и предвкушающий схватку. Но тем не менее разум, как безнадежный прозаик, старался утешить его волнение, объясняя это лишь невиданным скоплением тумана в темное время суток и влиянием мрачной музыки – в наушниках звучал *Earl*

Sweatshirt "Grief".

Волнение и страх пробирались в душу и Александр грезил поскорее оказаться дома. Он всегда находил там сладкое умиротворение – чувство, такое противоположное его внутреннему состоянию сейчас. Нечто влекущего в домашней атмосфере являлась привычная прелесть окружения. Александр испытал в этих стенах достаточно много, и накал этих чувств был так велик, что там, как следствие, зародилась некая сладостная квинтэссенция, осязаемая лишь его глазу. Благодаря ей, такой полюбившейся его сердцу, пережитые мгновения невольно оживлялись в памяти. Воспоминания тут же начинали рисовать Александру картины, на которых он плавал в блаженстве, найдя удовлетворение духовным порывам в книгах, где обычные, отштампованные чёрными красками на бумаге слова обретали какое-то волшебное свойство; восхищался маленькими, несущественными для общей картины мира, но такими драгоценными событиями, являющимися абсолютно всем и истинно сокровенным в жизни лишь одного человека, что подобный единичный блеск в сочетании с другими и есть разноцветное сияние всей человеческой судьбы – он созерцал это и на примере фильмов; наблюдал на холстах бурление жизни в замеревшем колыхании травы или же считывал глубинность мысли в переполненном чувствами лице засмотревшейся девушки, грудь которой вот-вот взволнуется глубоким вдохом после столь продолжительной остановки и судорожно покроется

дрожью под испытываемым душевным огнём и изливающимися рыданиями.

Не буду говорить, с каким чувством отвращения Александр ступил на землю затемнённого участка. Он на ощупь отдалялся от умирающих огней озера, и только стоило потерять их из виду, как при столь же внезапных, сколь и кратковременных вспышках расплывчатой луны, тень домов выступила во всём ужасающем облиии, грозя своими острыми силуэтами, ничуть не уступая в эффектности серым раскидистым тополям, которые выросли перед Александром в незыблемых, наделённых несуразно-грубой силой, извращённых гигантов, со скрипом качающихся под гнетом уродливой наружности, трясая ветвями, половина коих была переломлена.

«Даже самые обыкновенные вещи предстают предо мной ужасными явлениями, и все благодаря фантазии...» – наш герой понимал, что нужно быть более хладнокровным и не давать воли смятению. Он крепился духом и старался подавлять панические атаки; но невозможно ввести в заблуждение человеческий мозг, когда тот имеет истинное представление благодаря зрительному источнику о происходящей ситуации. Александр не видел своих рук, не говоря уже о том, что происходит под ногами. Каждый новый шаг давался ему с большим усилием, ибо случалось все больше неуверенности и кошмаров, которых приходилось преодолевать, как в один момент на горизонте появился слабенький луч фонаря.

Круг отчаянно вёл борьбу с густым туманом и, пытаясь отбиться от навязчивых объятий пелены, плавно мерцал. Вскоре тонкий лучик вспыхнул, и последовал мощный всплеск света – он облил квадратное, размером с трехэтажный дом, сооружение. Александр сразу узнал триумфальную арку, над чьим декором трудился собственноручно, с тончайшей кропотливостью вырезая фигуры древнегреческих богов на её мраморных стенах. Со временем свет фонаря начал меркнуть, отчего стало ясно, что тот взрыв энергии забрал все последние силы; выглядело это так, словно луч зарастал бесцветным и густым мхом.

У Александра будто камень с души свалился: присутствие арки означало, что дом находится совсем близко, а точнее, является его началом, так как она и есть главный вход в его частные владения. Он успел сделать лишь четыре твёрдых шага перед тем, как очертания арки расплылись и улетучились. Наш герой оказался в сплошной, хоть глаз выколи, мгле. Встав, как вкопанный, он растерялся, ведь обернувшись, не увидел совершенно ничего, кроме тени, которая прямо на его глазах затягивала весь мир. Будто земной шар поглощался какой-то необъятной, невообразимой тварью, и он, крошечный человечек, находится в апогее всего этого хаоса, которым правит мрак.

Когда же Александр захотел дотронуться до зловещего черного тумана, который уже больше походил из-за своей густой плотности на невесомую, парящую в воздухе шерстя-

ную материю, дабы осязать его, то ощутил что-то холодное, крепко схватившее его за кисти. Он инстинктивно ринулся в сторону, но тут же уразумел, что подобные попытки были пресечены ещё на корню: его окаменевшие конечности впились в бездонную темь. Всё, что Александр мог – наблюдать, как тысячи растущих из беспросветной пустоты рук кишат на его груди, вцепляются в локти и кисти, оплетают всё тело, разрастаются друг на друге и поднимают его вверх.

Сложно представить себе ярчайшего контраста, нежели восставшего пред нами: среди нескончаемой тьмы всходит белоснежный, мерцающий маленькими точками побег, основание которого удивительно быстро увеличивается в размерах, а тонкая вьющаяся верхушка непрерывно тянется ввысь. Этот побег и есть бесконечное множество белых конечностей; хватаясь за себя подобных, они увеличивают размеры ствола ежесекундно, отчего побег скоро превращается в белую волну, на гребне которой несётся человек. Он с широко раскрытыми глазами возносится среди мглы по бледным рукам, безмолвно, отсутствующим взором смотря то вниз на бесконечную вереницу, то вверх на прорывающийся ослепительный луч.

То ли от страха, то ли отчего-то другого, однако наш герой только и помнит, как оказался у себя дома уже с включённым светом, с птицей и свертком бумаги в руках.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Когда настроение скверное, не все ли равно,
что там за окошком.*

Сэлинджер, «Над пропастью во ржи»

Белая вспышка, вылетевшая из точки по центру, процесс, подобный включению телевизора 80-х годов – первое, что Александр увидел, вернула ему сознание. Он нашел себя в прихожей, прислонившимся спиной к комоду, на полу. После минувшего вихря мистических событий в его голове ещё порывисто бродил ветер, и, пробираясь в каждый темный уголок, не позволял нашему герою отвлечься от хаоса безобразных мыслей. Порывы ветра – явления, как внутреннего мира человека, так и внешнего мира, чьи близкие сходства можно заметить без труда: они одинаково препятствуют и путешественнику в дороге, портя видимость мутновато-искаженными полосами, которые рисуются в воздухе резкими мазками; и Александру, закрывая ему чистый горизонт мыслей, и даже его чуткость ума пока не могла прозреть ясную картину. Холод дуновений пробирался и в душу, принося в нее смутные и скверные чувства.

Знаешь, разбитое состояние, в каком прибывает Александр, сравнимо с тем, что бывает после сна: проснувшись, с пронзительной болью обнаруживаешь, что несчастен в этой жизни; ночь улетучивается и на смену ей приходит горь-

кое послевкусие – апатия и разочарование. Сильнейшее уныние накрывает с головой именно когда умываешься: вроде бы трешь зубы, а почему-то раздрает только душу; но как раз таки в эту нелёгкую минуту, в процессе глубокого анализа собственных чувств, будто кто-то внутри, сжалившись над комично-горестной сценой, кидает круг помощи в виде осмысления, что всему виной либо дурной, либо слишком сладостный сон.

Вот и в этот раз Александр, сослался на дурное послевкусие.

Итак, спустя некоторое время, за которое он успел поймать несколько витающих мыслей и соединить их в нечто целое, вспомнил он и про внешнюю среду. На его руках, как-никак, находилась птица. «Какая маленькая птичка. Где же я тебя среди этой тьмы подобрал? – первое, что вымолвил Александр после долгого раздумья; в ответ ему попискивал птенец. – Правда, несмотря на твой младенческий вид, и всем вытекающим отсюда умилениям, которые непроизвольно возникают при виде беззащитного существа, выглядишь ты крайне непривлекательно».

Да прости мне, читатель, за такую несуразицу: этот птенец вовсе не выглядел противным, какими частенько бывают его новорождённые собратья, и во внешнем виде его нельзя подчеркнуть ни малейшего признака уродства. Да что уж тут говорить, изучая внешность, можно подметить и особые привлекательные признаки, как например: отсутствие блеска пе-

рьев – выглядит, будто у пташки они матовые; шея украшена белым пятном, единственным на всем теле; однако, подводя черту итога, любой, глянувший на него чуть более чем мимолетно, согласится, что общий образ птицы вовсе нельзя назвать притягательным.

Что-то смущало и Александра. Он никак не мог понять, почему изящный чёрный цвет перьев, переливающийся на свету глубокой синевой; вытянутый, закруглённый и на конце острый клюв; безостановочно бегающие, всего-навсего испуганные глаза – всё это, вроде бы, ни разу не устрашающее по отдельности, как, слившись воедино, вдруг внушают безотчетный холодок, граничащий с ужасом. Иной раз Александру становилось сильно не по себе, когда два чёрных пятнышка после безостановочной беготни резко останавливались на нём.

Так же в руке у нашего героя находилось подобие записки. Почему подобие? Потому что это обычный скрученный белый лист! И как только он ни вертел этот чертов листок, все равно не находил ни единого слова.

Невозможно представить, с какой приткостью человек может терзать мозг количеством одинаковых вопросов, при этом ничуть не теряя интереса. Все до одного они были связаны с этим бредом, псевдо-запиской и птицей. Больше всего Александр хотел понять, что же произошло с ним на улице.

«Можно предположить, что, скорее всего, это был приступ, от которого темнеет в глазах и звенит ушах, и не муд-

рено, что совершенно не припомню, как оказался здесь. Повезло, что все-таки смог добраться до дома. – Сидя на обуви у комода, поджав под себя ноги, размышлял Александр. – Но со мной никогда прежде не случилось ничего подобного. И что это за приступ такой? Как вообще можно объяснить эти мрачные видения?»

Сия мысль затмила у него все остальные. Он пытался найти хоть капельку довода, пусть и выдуманного, главное – убедительного, чтобы оправдаться им пред терзающим воображением, которое обрадовалось представившейся волей, как едва уловимый звук от окна вывел его из задумчивости. «Кажется, кто-то стучится?» – подумал Александр, и с удивлением заметил такую приятную на слух нотку робости, редкую в его век, что сразу же покорился вежливостью стучащегося. Но не успел покорённый и подняться с пола, как застенчивость незваного гостя бурно сменилась настойчивостью. Буквально три секунды спустя ему пытались разбить стекло.

Такой выходкой этот невежа, как по щелчку заставил собрать Александра все, покинувшие его некогда, силы. Никогда ему не приходилось слышать звука, столь раздражающего слух, отчего в районе шеи вдруг порывисто защекотало и, побежав внутрь, разлилось по голове. Александра начало бесить и это дурацкое дребезжащее стекло! Назойливость стука, как ему казалось, усилилась, и на теле выступили мурашки, руки покрылись лёгкой дрожью. Сосуд, отведённый душе человеческой, был уже чересчур полон чувством раздраже-

ния, отчего края его принялись изливаться и брызги полетели во все стороны. Мигом подскочив на ноги, Александр запылал ответить на нетерпение нетерпением. Распростертые кулаки были уже наготове. Иных доказательств в том, что его посмели дразнить прямо у себя дома, было уже не нужно, из-за чего развитое самолюбие забило тревогу, призывая покарать насмешника, все больше и больше подогревая бешенство. Уверяю тебя, никто и никогда не был так близко похож на льва, чем Александр в эту минуту: его соломенные волосы, и без того пышные, слегка приподнялись и будто бы надулись – это была самая роскошная грива.

Один резкий прыжок и он уже за углом коридора. Ещё семь могучих шагов – позади длинный зал. Теперь перед ним окно. Какого было велико его изумление, когда в окне, расположенном на третьем этаже, не оказалось ни души. Только одинокий мощный дождь бился о стекло, барабаня по наружному железному подоконнику, называемому, к слову, карнизом.

«Маленькие прозрачные частички вызывают у человека душевное волнение... будто доказывая всему свету о существовании возвышенных истин, гласящих о пути самоотречения во имя великого, они так же стремятся, преодолевая долгий путь, наделённый невзгодами, предварительно вкушая сладость жертвы, которую им предстоит принести... а в конце отчаянно расшибаются о предмет своего стремления, кидаясь в объятия мечте...» – Александр задумчиво

вглядывался в подающие капли, медленно взбираясь к темным небесам по блестящему канату, состоящего из сплошных крошек серебра. Небо оказалось без единого просвета, что в секунду поразило его. В памяти всплыли недавние воспоминания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.